

Мюллер Август

**История ислама с основания до
новейших времен**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А18

А18 **Август М.**
История ислама с основания до новейших времен: Том 2 / Мюллер Август – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 360 с.

ISBN 978-5-519-98382-2

История ислама с основания до новейших времен А. Мюллер

ISBN 978-5-519-98382-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

своей, послѣдовавшей вѣроятно въ 49 году (669), проводилъ жизнь безъ опредѣленной цѣли. Если не считать расточаемыхъ имъ вокругъ себя благодѣяній, восхваляемыхъ столь многими, онъ ушелъ собственно весь въ созерцательное ничего недѣланіе. Братъ его, по природѣ энергическій и предпріимчивый, ничего не могъ предпринять. Ему оставалось выжидать, не придетъ ли когда-нибудь и его чередъ.

Тщетныя надежды, и на долгіе годы. Му'авія (41—60=661—680), признанный нынѣ повсемѣстно безъ сопротивленія халифомъ, умѣлъ твердо и мудро ограждать свое владычество. Основнымъ его правиломъ было: все дѣлать, что было въ силахъ, для своихъ друзей, по отношенію же непріятелей, если только была возможность, добродушно привлекать ихъ на свою сторону или же безпощадно и всѣми возможными средствами бороться съ ними до полного ихъ истребленія. Онъ былъ представителемъ классической методы управленія, приемы которой характеризуются словами: «милость либо плеть». При извѣстныхъ обстоятельствахъ такой образъ дѣйствія давалъ самые прекрасные результаты и на Западѣ, а на Востокѣ, судя по бывшимъ примѣрамъ, онъ единственно дѣйствительный. Прежде всего по возможности старался онъ перекинуть всякому, кто только въ этомъ ощущалъ потребность, золотой мостикъ. Двоюродному брату Алія и давнишнему, хотя подъ конецъ и разошедшемуся съ нимъ другу, Ибнъ Аббасу, оставлены были безпрекословно значительныя государственныя суммы, которыя тотъ незадолго до смерти Алія позаботился присвоить себѣ. Стоявшему въ сторонѣ, со времени умерщвленія Османа, Мугиръ Ибнъ Шубъ, вручено было намѣстничество въ Куфѣ. Даже намѣстника Алія въ Фарсѣ, Зійда, новый халифъ успѣлъ переманить на свою сторону. Вначалѣ тотъ отказался было признать власть новаго правителя, и даже при помощи хариджитовъ возбудилъ чрезъ своихъ сыновей возстаніе въ Басрѣ: но полководецъ Му'авіа, Бусръ Ибнъ Артá, усмирилъ бунтовщиковъ и взялъ въ плѣнъ сыновей Зійда. Мудрый халифъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ подѣйствовать на упрямца: онъ не дозволилъ Бусру казнить ихъ и возложилъ на Мугиру, въ 42 году (662), порученіе переговорить лично съ ихъ отцомъ и попытать разными уступками привлечь его на свою сторону. Мугира издавна былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Зійдомъ. Еще въ 17 году (638) при Омáрѣ! онъ избавилъ Зійда отъ тяжкаго наказанія, по поводу одного очень непріятнаго скандальнаго процесса, давъ въ пользу его уклончивое показаніе. Оба они не отличались высокой нравственностью, но за то почитались всѣми за людей тонкихъ и замѣчательно способныхъ администраторовъ. Мугиру пріѣхалъ къ нему для личныхъ переговоровъ въ Фарсѣ, а затѣмъ Зійдъ отправился въ Дамаскъ. Не особенно нравилась Му'авіѣ манера намѣстника Алія, съ какою онъ распоряжался государственной кассой,

но теперь онъ утвердилъ безъ спору всѣ счеты, ему представленныя, и даже милостиво произнесъ: «ты самый надежный изъ всѣхъ моихъ намѣстниковъ».

О чемъ собственно велась бесѣда между хитрымъ халифомъ и, пожалуй, еще болѣе лукавымъ Зіядомъ—осталось неизвѣстнымъ, но легко было уразумѣть ея содержаніе по слѣдовавшимъ затѣмъ событіямъ. Въ 45 году (665) сверхъ Фарса Зіядъ управлялъ Басрой, персидскими восточными провинціями и аравійскимъ берегомъ Персидскаго залива; въ 50 году (670) поручено было ему завѣдываніе Куфой, т. е. высшее управленіе всѣми областями на востокъ отъ Сирійской пустыни. Наконецъ, въ 53 году, намѣстникъ смѣло пишетъ халифу: «въ правой моей рукѣ держу я для тебя Иракъ, но лѣвая свободна, дай же и ей работу—ну хоть Хиджазъ». И Му'авія нисколько не затруднился даровать ему просимое. Еще болѣе поразительно извѣстіе, что уже въ 44 году (664) Зіядъ признанъ официально братомъ Му'авіи. Темная вообще исторія. Мать Зіада, Сумайя, была рабыней,—одни говорятъ въ замужествѣ за рабомъ Убейдомъ, а другіе—въ сожительствѣ. Такъ или иначе, его не называли обыкновенно Зіядъ Ибнъ Убейдъ *), а Зіядъ Ибнъ Сумайя или Зіядъ Ибнъ Абиhi т. е. Зіядъ, сынъ своего отца **). Теперь вдругъ нашелся харчевникъ изъ Таифа и еще другіе, тоже не особенно почтенные люди, показавшіе, что отцомъ его былъ Абу Суфьянъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ онъ не могъ родиться въ его домѣ, то по прямымъ указаніямъ корана ни въ какомъ случаѣ нельзя было допустить признанія его сыномъ Абу Суфьяна. Но Му'авія, ради достолюбезнаго народа своего ежедневно прочитывавшій по главамъ изъ священной книги, предстоя по пятницамъ на молитвѣ въ большой мечети въ Дамаскѣ, а разъ даже въ качествѣ халифа совершившій паломничество въ Мекку, самъ лично придавалъ вообще не много значенія сути писанія; поэтому ему ничего не стоило, наперекоръ закону, обзавестись новымъ братцемъ. Смыслъ этого необыкновенно поздняго признанія ни для кого не былъ таинственнымъ: Му'авія давно уже рѣшился даровать Зіяду, въ той или другой формѣ, право на преемство по управленію халифатомъ или, по крайней мѣрѣ, на продолжительное соуправленіе. Но Зіядъ скончался въ 53 году (673), задолго до смерти Му'авіи, и поэтому предполагаемый моментъ исполненія обѣщаннаго не могъ наступить. Такъ что въ данномъ случаѣ излишни всѣ догадки о томъ, насколько серьезны были намѣренія халифа и какъ вообще думалъ онъ ихъ осуществить.

Во всякомъ случаѣ, въ 50 г. (670), Му'авія предоставилъ такъ назы-

*) Т. е. Зіядъ, сынъ Убейда.

**) Такое выраженіе означаетъ, что неизвѣстно въ точности, кто былъ отцомъ даннаго лица.

ваемому братцу своему всю восточную половину государства въ полное, независимое управленіе, послѣ того какъ незадолго передъ тѣмъ тотъ зарекомендовалъ себя въ качествѣ администратора Басры самымъ блестящимъ образомъ. Должность эта несомнѣнно была самая трудная во всемъ государствѣ. Многочисленные приверженцы Алія въ Куфѣ не были опасны, пока Хасанъ, официальный глава семьи пророка, жилъ въ мирѣ съ правительствомъ. Въ Басрѣ же было совсѣмъ не то. Весь южный Иракъ и Хузистанъ кишмя кишѣли хариджитами; для нихъ Му'авія, благодаря своимъ рѣшительно мірскимъ воззрѣніямъ, былъ, понятно, далеко невыносимѣй, чѣмъ прежде Алій. Оба первые намѣстника, правившіе въ Басрѣ отъ 41 до 45 (май 661—мартъ 665), не сумѣли подавить мятежнаго духа. Хотя каждое отдѣльное возстаніе пуританъ было укрощаемо, но они непрерывно возобновлялись и угрожали, особенно въ 43 году (663), широко разлиться. Прибывъ въ Басру въ 45 году (665), Зіадъ порѣшилъ сразу принять крутыя мѣры. Рядомъ строжайшихъ приказовъ, для наблюденія за исполненіемъ которыхъ созданъ былъ отдѣльный отрядъ изъ 4000 полицейскихъ солдатъ, вскорѣ восстановлено было общественное спокойствіе въ самомъ городѣ, обуреваемомъ доселѣ смутами и беспорядками. Въ первый разъ свободолобиваго араба сковывали ограничительными мѣрами; отданъ былъ приказъ—никому не появляться послѣ солнечнаго заката на улицѣ, подъ угрозой смертной казни. Зіадъ проводилъ свои мѣры безпощадно; обезглавленъ былъ одинъ бѣдный бедуинъ, которому послѣднее распоряженіе было неизвѣстно; онъ преспокойно пригналъ поздно вечеромъ въ городъ свой скотъ на убой; никакія оправданія не принимались, ибо имѣлось въ виду восстановить во что бы ни стало спокойствіе всего населенія области. Гдѣ бы ни появлялся въ странѣ хариджитъ, его неутомимо преслѣдовали, а сопротивленіе подавлялось съ крайней жестокостью. Конечно, нельзя вѣрить безусловно всему, что передаютъ позднѣйшіе историки о Зіадѣ. Изъ него сотворили они истиннѣ сатану въ человѣческомъ образѣ: и здѣсь можно подмѣтить постоянное стремленіе—представлять въ возможно неблагопріятномъ свѣтѣ все, что дѣлалось при Омайядахъ ради ихъ пользы, всякаго же возстававшаго противъ ихъ владычества—прославлять въ образѣ ни въ чемъ неповиннаго мученика. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли существовать правленіе, которое терпѣло бы открытое заявленіе убѣжденій, клонящихся къ ниспроверженію прочнаго государственнаго порядка. Если же средства, которыми пользовался Зіадъ—простоу сказать, неизмѣнно употребляемая имъ мѣра обезглавленія примѣнялась имъ доселѣ въ необычайныхъ размѣрахъ, то главною причиною въ концѣ концовъ было то, что съ гибелью Алія и побѣдой мірской партіи стало уже невыносимо патріархальное управленіе пер-

выхъ халифовъ. Одно изъ двухъ главныхъ теченій должно было отнынѣ главенствовать, другое—добровольно подчиниться или же подвергнуться безпощадному гоненію. Въ то время какъ Му'авія продолжалъ среди своихъ сирійцевъ вести старинную милостиво дружелюбную политику обхожденія со старѣйшинами своихъ испытанныхъ вѣрныхъ, тамъ, гдѣ приверженцы Омайядовъ оказывались въ меньшинствѣ, добровольное повиновеніе правовѣрныхъ мусульманъ по необходимости замѣнялось принужденнымъ подчиненіемъ ихъ свѣтской власти государственнаго управления. Образцы подходящихъ къ этому приѣмовъ Зіадъ имѣлъ случай позаимствовать у персовъ, въ бытность свою намѣстникомъ Фарса. Арабскіе писатели напираютъ особенно на то, что онъ былъ первый, передъ которымъ выступили тѣлохранители, вооруженные копьями и жезлами, а кругомъ двигалась толпа придворной стражи: это было начало подражанія порядкамъ, существовавшимъ при старинныхъ азіатскихъ деспотахъ; къ нимъ слишкомъ привыкли въ персидскихъ исконныхъ провинціяхъ, они не выходили отчасти изъ употребленія и послѣ вторженія арабовъ. Въ исторіи слишкомъ часто повторяется подобное явленіе: мало цивилизованные покорители неизмѣнно приспосаблиются къ высшей культурѣ покоренныхъ и постепенно перенимаютъ какъ преимущества, такъ и тѣневныя стороны ея. И арабы добивались незатрогиваемаго никакими смутами партій государственнаго порядка; они не нашли ничего лучшаго, какъ позаимствовать прямо персидскія учрежденія, которымъ принесено было въ жертву драгоцѣннѣйшее достояніе ихъ—свобода. Мы уже ознакомились достаточно съ порядками средибедуиновъ, а среди населенія Басры и Куфы самочувствіе независимаго воина поднялось еще выше. Не остается поэтому ни малѣйшаго сомнѣнія, что проведеніе здѣсь такъ сказать внѣшняго государственнаго порядка, построеннаго не на историческомъ преемствѣ, обоснованнаго лишь политической необходимостью, заимствованнаго притомъ извнѣ, могло осуществиться только благодаря примѣненію безпощадной строгости управленія. Само собой разумѣется, въ виду внезапнаго возникновенія такого послѣдовательнаго государственнаго принужденія, озлобленіе иракцевъ возросло до такой высокой степени, что ежеминутно угрожало при первомъ удобномъ случаѣ опаснымъ взрывомъ. Но жаловаться на это едва ли могли люди, со временъ еще Омара доказывавшіе почти ежедневно, что не желаютъ повиноваться патриархальному правленію. Всѣмъ имъ начинало даже казаться, руководствуясь довольно неосновательными разсужденіями, что самъ Алій будто бы пожелалъ ихъ подчиненія сирійскому владычеству: зачѣмъ же не счумѣлъ онъ ввести между ними строгую дисциплину? Поэтому, если всѣ позднѣйшія извѣстія переполнены разнаго рода ужасными раз-

сказами, посвященными описанію отвратительныхъ образчиковъ жестокости и кровожадности Зійда, намъ слѣдуетъ придерживаться одного значенія этого управленія, о чемъ не умалчиваютъ одновременно и эти самые историки. При немъ первомъ, повѣствуютъ они, окрѣпла правительственная власть, владычество Му'ави распространилось твердо. Онъ понуждалъ народъ къ повиновенію, усердно наказывая и обнажая мечъ; хватали по малѣйшему недовѣрію, наказывали по подозрѣнію. Во все время его управленія люди боялись его, какъ огня, пока не дошло до того, что вездѣ воцарилось спокойствіе. Случись мужчинѣ либо женщинѣ утерять что-нибудь, никто не осмѣливался дотронуться до вещи, пока не придетъ владѣлецъ и не подыметъ ее. Жившія отдѣльно женщины могли проводить ночь покойно, не запирая дверей. Самъ онъ, какъ разсказываютъ, впослѣдствіи говаривалъ: «если кто потеряетъ веревку по дорогѣ отсюда въ Хорасанъ, моихъ ушей не минетъ, кто ее подыметъ». Былъ это человѣкъ порядка во что бы то ни стало: однажды оба начальника его полицейскаго отряда, предшествовавшіе ему съ копьями, стали въ шутку задирать другъ друга. Онъ увидѣлъ и приказалъ одному изъ нихъ сдать оружіе, а другого уволилъ въ отставку. — Въ 50 году (670), когда вся иракская область перешла въ его управленіе, столица перенесена была въ Куфу. Вслѣдъ за своимъ прибытіемъ, собралъ онъ, какъ разсказываютъ, общину въ мечеть: такъ дѣлали обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Намѣстникъ взомель на каеедру и послѣ обычныхъ словословій, обращенныхъ къ Богу, произнесъ слѣдующее. «Вотъ что приходило мнѣ въ голову въ бытность мою въ Басрѣ. Я предполагалъ явиться посреди васъ окруженный 2000 басрійскихъ полицейскихъ солдатъ. Но потомъ я раздумалъ. Вѣдь вы—народъ степенный, давно уже все непристойное устранено нынѣшнимъ благоустройствомъ. Вотъ и прибылъ я къ вамъ съ одними моими домочадцами. Мнѣ остается возблагодарить Господа за то, что онъ меня возвысилъ въ то время, когда люди хотѣли меня устранить, и сохранилъ тогда, когда меня хотѣли покинуть». Въ подобномъ же духѣ продолжалъ онъ свою проповѣдь до конца. Нѣкоторые недовольные стали швырять камнями въ каеедру. Онъ преспокойно усѣлся, выжидалъ терпѣливо когда перестанутъ. Потомъ подозвалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ и приказалъ имъ никого не выпускать изъ воротъ мечети. Обратясь затѣмъ къ общинѣ, возвыстилъ громовымъ голосомъ: «слушайте меня, беритесь во время молитвы за руку сосѣда. Помните, никто не посмѣетъ отвѣтить мнѣ: не знаю, кто былъ мой сосѣдъ». И продолжалось общее моленіе. По окончаніи поставлено было для Зійда кресло у вратъ мечети; къ нему подходили одни за другими рядами по четыре человѣка. Они должны были поклониться Аллахомъ, что никто изъ нихъ не

бросалъ каменьями. Кто поступалъ такъ, могъ уходить спокойно, кто же не соглашался на клятву—того связывали и отводили въ сторону, пока не набралось ихъ человѣкъ 30: тутъ же на мѣстѣ онъ приказалъ отрубить имъ руки. «Клянусь Господомъ,—добавляетъ очевидецъ, сообщившій это извѣстіе,—намъ никогда и въ голову не приходило передъ нимъ солгать, а что онъ самъ возвѣщалъ, будь это хорошее или дурное, всегда исполнялъ». По одному этому легко судить, какой цѣльный человѣкъ былъ этотъ Зіядъ; онъ зналъ вполнѣ чего хотѣлъ, дѣйствовалъ напроломъ, а начатое доводилъ всегда до конца. Какъ въ Басрѣ хариджитовъ, такъ теперь и въ Куфѣ онъ усмирилъ шиитовъ. Между тѣмъ, значительное приращеніе ихъ возбуждало не малыя опасенія: вотъ почему каждого по одному подозрѣнію въ тайной приверженности къ семьѣ Алія немедленно же хватили. Несчастному предоставлялось на выборъ: или проклясть Алія, или же умереть.—До насъ дошли однако весьма обстоятельныя данныя, что въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ, бывшихъ ареной жесточайшихъ преслѣдованій, намѣстникъ тогда только принимался за строгость, когда кроткія убѣжденія не приводили къ желаемымъ результатамъ. Намъ извѣстно напримѣръ, что хариджиты съ умѣренными убѣжденіями, подчинявшіеся добровольно владычеству Омайядовъ, всегда были оставляемы имъ въ покоѣ; даже нѣкоторымъ изъ нихъ предоставлялись мѣста въ управленіи. Точно также несомнѣнно, что онъ тогда только накинута на шиитовъ Куфы, когда они, не взирая на всѣ его предостереженія и дружественныя напоминанія, продолжали на тайныхъ своихъ собраніяхъ составлять заговоры противъ существующаго порядка вещей.

Во всякомъ случаѣ результаты его управленія были самые блестящіе. Какъ въ главныхъ городахъ, такъ и по провинціямъ, онъ не только завелъ образцовый порядокъ и возстановилъ всеобщую безопасность, столь поразительно отличавшіеся отъ прежней распушенности, но также и въ финансовомъ управленіи водворилъ порядокъ и уничтожилъ то печальное разстройство, которымъ оно славилось особенно при Аліи. Его искусство управлять опиралось не на одну только саблю. Благодаря своему дальновидному политическому такту, онъ производилъ обширныя опыты и всячески старался привязать къ себѣ умѣренныя элементы населенія, пролагая неуспынно между крайними партіями среднее направленіе теченія дѣлъ, многочисленныя приверженцы котораго мало-по-малу становились твердой опорой для правленія. Подъ сильнымъ давленіемъ его полицейскихъ мѣръ даже среди хариджитовъ произошелъ расколъ. Рядомъ съ неуклонными фанатиками, рѣшившимися уступать лишь одной силѣ, въ глазахъ которыхъ не принадлежавшіе къ ихъ сектѣ мусульмане почитались самыми опасными и достойными осужденія невѣрующими, еще болѣе, пожалуй, чѣмъ іудеи и христіане,

постепенно начали появляться болѣе разсудительные люди. Они хотя и продолжали держаться крѣпко за свое пуританское ученіе о смѣняемости нечестиваго халифа, но при этомъ допускали, что не всякій правовѣрный, во всемъ остальномъ мусульманинъ, заслуживаетъ за одно лишь отрицаніе этого положенія осужденія и долженъ быть преслѣдуемъ и истребляемъ въ священной войнѣ подобно язычнику. Такіе болѣе кроткаго настроенія люди могли легко уживаться въ мирѣ среди остальныхъ мусульманъ и даже вступать въ сношенія съ ними, чего крайняя партія положительнѣйшимъ образомъ не желала допускать. Еще важнѣе искусно посяяннаго разномыслія среди хариджитовъ, попутно съ снисходительной терпимостью къ умѣреннымъ, было слѣдующее обстоятельство: Зійдъ принялъ рѣшительныя мѣры, чтобы склонить на сторону правленія тѣхъ изъ старовѣрующихъ въ родѣ мединцевъ, которые въ другихъ провинціяхъ неизмѣнно оставались въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Омайядамъ. Всѣ такъ называемые сотоварищи пророка и другіе, кромѣ хариджитовъ и шіитовъ, набожные люди, проживавшіе въ Басрѣ и Куфѣ, могли быть увѣрены, что встрѣтятъ у намѣстника не только наружный почетъ, но и предупредительную поддержку. Всякое разумное требованіе, касающееся личнаго ихъ интереса, исполнялось безпрекословно. Весьма знаменателенъ слѣдующій рассказъ. Разъ Зіяду вздумалось приказать чрезъ своего прислужника призвать къ себѣ Хакама.— Намѣстникъ пожелалъ видѣть Хакама Ибнъ Абуль-Аса, брата уважаемаго пророкомъ человека изъ племени Сакифъ, бывшаго прежде помощникомъ правителя въ Таифѣ, а затѣмъ переселившагося въ Басру. Прислужникъ же вообразилъ, что господинъ требуетъ Хакама Ибнъ Амра, изъ племени Гифаръ, еще болѣе «уважаемаго сподвижника» посланника Божія, при жизни пророка почти постоянно находившагося при немъ. Слуга привелъ послѣдняго къ Зіяду. Намѣстникъ принимаетъ его, конечно, весьма любезно, разсыпается въ комплиментахъ, величаетъ почтеннѣйшимъ человекомъ, удостоившимся отличія быть товарищемъ посланника Божьяго, и предлагаетъ ему намѣченный было для его тезки значительный постъ намѣстника Хорасана, приговаривая шутливо: «тебя-то я признаться не имѣлъ въ виду, но Аллаху благоугодно было вспомнить о тебѣ!» Вообще Зійдъ раздавалъ охотно высшія должности сотоварищамъ пророка. Ни разу впрочемъ не случалось, чтобы онъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ ихъ дѣятельностью. Даже не особенно склонные къ Омайядамъ могли здѣсь, на персидской почвѣ, уразумѣть, что во всѣхъ отношеніяхъ было нерасчетливо тратить силы Аравіи въ междоусобныхъ войнахъ, тѣмъ болѣе, что персы не усвоили еще привычки переносить покорно ярмо побѣдителя. Благодаря всему

этому, въ Басрѣ и Куфѣ старовѣрующіе, въ противоположность шиитамъ Алія, постепенно стали менѣе чуждаться сирійскаго центральнаго управленія, и дворъ въ Дамаскѣ съ своей стороны начинаетъ обращаться съ ними съ возможной снисходительностью, почитая въ нихъ главныхъ представителей арабскаго владычества на персидской почвѣ. А въ послѣдствіи, когда глубоко укоренившаяся ненависть между сирійцами и Мединой привела въ концѣ концовъ, во время позднѣйшей междоусобной войны, къ бѣшенному штурму города пророка и истребленію его населенія, къ тому самому времени въ Иракѣ образовалось новое гнѣздо набожныхъ людей. Они усердно занимались распространеніемъ, собираніемъ и сохраненіемъ извѣстій о жизни и сужденіяхъ пророка и положили своими трудами прочное начало теологическимъ, а въ особенности научнымъ изысканіямъ мусульманскаго міра. Черезъ это самое и явилась возможность духовнаго развитія, которое, по приводимымъ нами уже выше основаніямъ, именно здѣсь, по преимуществу, нашло болѣе благопріятную почву и развернулось до извѣстнаго возможнаго расцвѣта средневѣковаго образованія на Востокѣ.

Такимъ образомъ, административная дѣятельность Зіада, если взглянуть нѣсколько повнимательнѣе, представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ ее изображали позднѣйшіе историки. Но по продолжительности своей, конечно, она была слишкомъ недостаточна, чтобы упрочить свое вліяніе повсюду и на возможно долгій періодъ. Сколь мало фанатики хариджиты были склонны признать себя побѣжденными, обнаружилось, на примѣръ, еще при жизни этого страшнаго намѣстника: лишь только переселился онъ, въ 50-мъ году (670), въ Куфу, нѣкоторые изъ самыхъ опасныхъ фанатиковъ взбунтовались въ Басрѣ, убивая въ самомъ городѣ всѣхъ встрѣчныхъ. Замѣститель Зіада, Самура Ибнъ Джундабъ, былъ, положимъ, столь же энергиченъ, какъ и онъ самъ: возстаніе было потушено кровавой расправой; множество извѣстнѣйшихъ хариджитовъ казнено, а еще большее число ихъ посажено въ тюрьмы. Спустя нѣкоторое время по смерти Зіада (53=673), Самура отозванъ былъ съ поста. Вскорѣ затѣмъ (55=декабрь 674) былъ назначенъ намѣстникомъ въ Басру сынъ Зіада, Убейдулла; онъ имѣлъ неосторожность выпустить на волю всѣхъ плѣнныхъ хариджитовъ. Какъ кажется, новый намѣстникъ питалъ надежду этой необычайной мѣрой кротости привлечь ихъ на сторону правительства. Но такъ какъ, весьма понятно, сидѣли по тюрьмамъ именно самые ревностные изъ крайнихъ, то они и не подумали раскаяться. Напротивъ, сразу же и вездѣ хариджиты стали подкапываться подъ него и при всякой возможности затѣвать возмущенія. Приходилось и ему обратиться къ мѣрамъ строгости, даже превзойти своего отца въ жестокости. Все усиливающійся пылъ преслѣдованія

подстрекала сектантовъ къ большому и большому ожесточенію; мечу палача противопоставляли они кинжалъ убійцы. Въ скоромъ времени Убейдулла трудно было найти кого-либо, рѣшавшагося казнить хариджита— ибо послѣ каждой казни находили на другой же день, гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, трупъ того, который согласился исполнить смертный приговоръ. Въ позднѣйшую эпоху писатели вспоминали не безъ пафоса объ этомъ упорномъ и мужественномъ поведеніи хариджитовъ въ тяжкую годину угнетенія ихъ. Особенной славой покрыта исторія Абу Билала Мирдаса Ибнъ Удаи, котораго схватили разъ вмѣстѣ съ толпой другихъ единомышленниковъ. Чрезвычайная его набожность и рвеніе къ молитвѣ произвели необыкновенно сильное впечатлѣніе на тюремщика; тотъ дозволилъ ему, при наступленіи ночи, уходить изъ темницы, дабы тайно навѣщать свою семью, съ обязательствомъ возвращаться назадъ раннимъ утромъ. У Мирдаса былъ другъ, часто имѣвшій доступъ къ приближеннымъ Убейдуллы. Разъ вечеромъ услышалъ онъ, что намѣстникъ, говоря о пойманныхъ хариджитахъ, объявилъ свое намѣреніе перебить всѣхъ ихъ на слѣдующее утро. Другъ спѣшить въ жилище Мирдаса, сообщаетъ родственникамъ его печальное извѣстіе и совѣтуетъ: пошлите въ темницу извѣстить Абу Билала, пусть напишетъ завѣщаніе, я вамъ говорю—ему не долго жить. Мирдасъ прислушивается къ словамъ знакомаго, укрывшись въ сосѣдней комнатѣ. Въ то же самое время извѣстіе достигло и тюремщика. Можно себѣ представить, какую тревожную ночь провелъ бѣдняга, опасаясь какъ бы Мирдасъ не узналъ о приказаніи и не убѣждалъ. Но когда наступило положенное время возвращенія, плѣнный своевременно вернулся въ тюрьму. На вопросъ тюремщика «а ты ничего не слышалъ про приказъ эмира?» узникъ отвѣтилъ просто: «какъ же, знаю». Пораженный собесѣдникъ невольно воскликнулъ: «И ты все-таки пришелъ?» А тотъ возразилъ: «Конечно, не могъ же я за твое доброе дѣло подвести тебя подъ наказаніе». Когда Убейдулла въ то же самое утро приказалъ привести хариджитовъ и сталъ казнить одного за другимъ, палъ передъ нимъ на колѣни тюремщикъ, старый слуга дома Зіада, воспитавшій Убейдуллу, и взмолился: подари мнѣ этого! При этомъ онъ рассказалъ всю исторію. Просьба была уважена, Мирдаса помиловали. Лишь только очутился послѣдній на свободѣ, тотчасъ же покинулъ Басру и возбудилъ новое возстаніе въ Хузистанѣ. Пришлось выслать противъ него войска, шайку разсѣяли, а самъ онъ укрывся въ маленькомъ мѣстечкѣ въ провинціи (58=678). Тамъ онъ тихо прожилъ нѣсколько лѣтъ, но уже въ 61 (680/1) снова затѣялъ борьбу съ мѣстными властями и былъ убитъ въ первой стычкѣ.

Хотя подобное дикое упорство, съ которымъ эти люди держались

такъ крѣпко за свои основныя положенія, и безстрашіе, съ коимъ они боролись за нихъ, не предвѣщало ничего хорошаго въ будущемъ, нельзя однако не принять во вниманіе, что кругъ ихъ дѣйствій былъ сравнительно не великъ, что смуты, въ большинствѣ случаевъ не разростающія широко, подавляемы были и скоро и основательно; а потому рядомъ съ цвѣтущимъ общимъ положеніемъ государства въ правленіе Му'авіа онѣ были едва замѣтны. Если же персъ и житель Ирака должны были волей неволей подъ управленіемъ Зіяда и Убейдуллы не нарушать мира, то халифу въ его западныхъ провинціяхъ было совсѣмъ не трудно, особенно благодаря его природнымъ способностямъ, пользоваться благопріятными обстоятельствами и мудро и прозорливо укрѣпить узурпированную власть. Одинъ арабскій историкъ характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Му'авіа былъ человѣкъ предусмотрительный, хитрый, а когда желалъ пріобрѣсть друга становился щедрымъ, несмотря на великую бережливость во всемъ, касавшемся его лично. Часто говаривалъ онъ самъ: «мнѣ не нужно меча тамъ, гдѣ достаточно плети, и ее также ненужно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ можно обойтись словомъ. А если между мной и кѣмъ-нибудь хотя ниточка существуетъ, я стараюсь ее не обрывать». Когда же у него просили объясненія, онъ отвѣчалъ: «если тотъ понатянетъ, немного ослаблю; отпустить онъ—я подтяну». Услышитъ ли про кого халифъ, что дурно объ немъ отзывается, тотчасъ же принудитъ его подаркомъ замолчать, а если не унимается—подставитъ ему ловушку: пошлетъ на войну, заставитъ его командовать авангардомъ. Вообще въ основаніи всѣхъ его поступковъ слѣдуетъ искать—обманъ и хитрость. Равно замѣчательно и другое признаніе, приписываемое ему самому. Разъ обратился къ нему неизмѣнный его сотоварищъ въ столькихъ предпріятіяхъ, Амръ Ибнъ Аль-Асъ: «никакъ не могу взять въ толкъ, храбръ ты или же трусь. Вижу, идешь впередъ напроломъ, ну и разсуждаю самъ съ собой: а, захотѣлось таки и ему подрататься—а ты опять потянулъ назадъ; поневолѣ скажешь: наровитъ бѣжать». Му'авіа отвѣтствовалъ: «Клянусь Создателемъ, никогда не нападаю, если не считаю наступленіе полезнымъ, и не отступаю, если не найду это благоразумнымъ. Помнишь, что говорилъ поэтъ: смотря по обстоятельствамъ я храбръ, и трусь, коли успѣхъ мнѣ не улыбнется». Очень жаль, что образъ этого замѣчательнаго человѣка слабо выясненъ съ лицевой стороны; другая же, въ обрисовкѣ аббасидскихъ историковъ, представляющая его человѣкомъ, потерявшимъ всякую совѣсть, не отступающимъ ни предъ какимъ средствомъ, коварнымъ извергомъ, пускающимъ въ ходъ ядъ и кинжалъ для устраненія всякаго препятствія, по меньшей мѣрѣ сильно преувеличенная каррикатура. Положимъ, справедливо, что онъ приказалъ отравить Малика; можетъ быть также не